

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СССР (1950–1980-е гг.)

В рассматриваемый период положение научно-технической интеллигенции в обществе определялось позицией партии и государства по нескольким направлениям государственной политики. В первую очередь это была общая социальная политика руководства страны, одной из составных частей которой являлась политика по отношению к интеллигенции. Условия деятельности специалистов науки и техники зависели также от научно-технической политики государства.

Социальная политика КПСС и советского государства в 1950–1980-е гг. исходила из тезиса о сближении классов социалистического общества — рабочего класса и колхозного крестьянства — и интеллигенции по всем параметрам (социальное происхождение, специфика трудовой деятельности, заработная плата, личные интересы, этические установки). Эти установки были закреплены в тексте Конституции СССР 1977 г.¹, но в политической деятельности государства использовались и раньше. Однако приоритетом государственной политики оставалось повышение политического и социально-экономического статуса рабочего класса. Но в целом данный период был значительно более благоприятным для интеллигенции, чем 1917–1953 гг., когда в своем отношении к этой социальной группе власти во многом руководствовались необходимостью обеспечить ее полную политическую лояльность и зачастую использовали для этого противозаконные, насильственные средства. Конечно, и в 1950–1980-е гг. давление, которое оказывалось государством на интеллигентов, было достаточно жестким, тем не менее, в сравнении с предшествующими десятилетиями этот период был временем относительной свободы, разумеется, при условии соблюдения лояльности к существующему строю.

Необходимо отметить, что идеологический контроль затрагивал прежде всего творческую интеллигенцию, тогда как специалисты науки и техники в своей профессиональной деятельности пользовались почти полной свободой и, как правило, поддержкой со стороны властей. Подобное отношение было продиктовано тем определяющим значением, которое имела деятельность научно-технической интеллигенции для экономического развития страны, в особенности для обеспечения обороноспособности государства.

Вместе с тем, для отношения власти к интеллигенции, в том числе научно-технической, был свойствен прагматический, инструментальный подход, заключающийся в сведении ее функций в обществе к роли высококвалифицированных специалистов производства, иногда — экспертов (лишь в границах своей узкой специализации), при почти полном лишении политической самостоятельности, стремление к которой является одной из черт, присущих творческим личностям. Подобный подход было отмечен в работах таких современных исследователей, как В.А. Беляев, Л.Г. Берлявский и О.М. Морозова². Годы «оттепели» второй половины 1950-х — начала 1960-х гг. сменялись более консервативным периодом. Этот период получил название «застоя» и достиг своего полного воплощения в 1970-е и первой половине 1980-х гг., после неудачного окончания экономических преобразований

А.Н. Косыгина. Это свидетельствовало о провале курса на некоторую либерализацию в области производства и науки. «Застой» в политической жизни, неудачи в экономике, проникновение, несмотря на усилия органов госбезопасности, западных ценностей в общество, в том числе в образованные слои, способствовало нарастанию в среде интеллигенции оппозиционных настроений, которые достигли пика в деятельности нелегальных, так называемых диссидентских организаций. Таким образом, отношение интеллигенции, в том числе научно-технической, к власти на протяжении 1950–1980-х гг. претерпело изменение от активной надежды на либерализацию в политической и хозяйственной областях, свойственной для периода «оттепели», до нарастающей апатии, сочетавшейся с ожиданием перемен, в 1970-е гг. и особенно в 1980-е гг. Подобный морально-идеологический настрой интеллигенции привел к тому, что эта социальная группа стала во второй половине 1980-х гг. одним из оплотов горбачевского курса на «ускорение» и «перестройку».

История взаимоотношений представителей научно-технической интеллигенции Куйбышевской области и местных органов власти и управления свидетельствует о том, что эти отношения соответствовали ситуации, складывавшейся в стране в целом и проходили примерно такие же этапы. Деятельность научно-технической интеллигенции в рассматриваемый период находилась в тесной зависимости от политики государства в области науки и техники, которая развивалась с учетом требований нового этапа научно-технического прогресса — научно-технической революции. Более высокий уровень развития науки и техники требовал повышенного внимания к проблемам внедрения достижений научной мысли в промышленное производство. Поэтому основными особенностями советской научно-технической политики стали стремление упрочить связь науки, в том числе вузовской, с производством, расширение научных исследований, выразившееся в открытии новых исследовательских учреждений, принятии программ научно-технического развития. Научно-техническая политика СССР была направлена на ускорение темпов роста промышленности, интенсификацию производственных процессов, развитие новых, высокотехнологичных отраслей. Для реализации этих задач было необходимо расширение связей между наукой и производством. В связи с этим изменились подходы к сферам науки, образования и производства. На первый план выходит необходимость создания системы «вуз — наука — производство», в рамках которой учебный, научный и производственный процесс были бы органически связаны. Однако реализация этих мер тормозилась тем, что во многом поддержка науки и техники была декларативной, не сопровождалась перестройкой всей хозяйственной системы государства на более прогрессивной основе.

Процесс реализации этих направлений государственной политики шел и в Куйбышевской области, причем затрагивал не только ее научный и промышленный центр — г. Куйбышев, но и другие города, такие как Тольятти, Сызрань, Новокуйбышевск, Чапаевск.

Исторические условия деятельности научно-технической интеллигенции СССР в 1950–1980-е гг. не были неизменными. Развитие отечественной науки, техники, народного хозяйства в целом протекало по нисходящей линии. 1950-е гг. были временем, когда сложились благоприятные условия для развития технического образования: повысился общественный статус научно-технических специалистов, выросла

притягательность профессий, связанных с научно-технической революцией (НТР), и конкурсы в технических вузах в рассматриваемый период были чрезвычайно высоки³. НТР обусловила такие изменения в сфере высшего технического образования, как расширение студенческого контингента, особенно на факультетах, готовивших специалистов для промышленного производства; развитие самостоятельного обучения, переход от учебного к учебно-научному процессу и превращение вузов в учебно-исследовательские центры. Это способствовало усилению интеграции науки, образования и производства.

Если в конце 1950-х — 1960-е гг. ряд крупных достижений советских ученых, опиравшихся на деятельность высококлассных производственных коллективов, свидетельствовал о выходе Советского Союза на передовые позиции в мировой науке, мог послужить исходной точкой перевода экономики на интенсивный путь развития, то к середине 1970-х гг. темпы развития советской науки и экономики замедлились. Такое положение говорило не только о снижении отдачи экономики страны, в том числе от деятельности научных и проектно-конструкторских коллективов, инженеров и техников на предприятиях, но и было отражением далеко не полного использования потенциала отечественной научно-технической интеллигенции.

Аналізу причин подобного положения посвящены исследования историков второй половины 1980-х и 1990-х гг.⁴

Главной причиной нереализованности творческого потенциала научно-технической интеллигенции был экстенсивный путь развития советской экономики, во многом обусловленный плановой системой организации народного хозяйства. Сложившаяся система парадоксальным образом делала для предприятий более выгодной ориентацию на устаревшие, металлоемкие станки и механизмы, была не в состоянии быстро учитывать новинки, которые разрабатывались как отечественными учеными и специалистами производства, так и зарубежными научно-техническими специалистами. Помимо этого, повышение удельного веса исполнительской, репродуктивной инженерной деятельности по отношению к научно-техническому творчеству было объективно обусловлено значительно возросшей сложностью производственных процессов, что требовало труда квалифицированных специалистов не только для разработки этих процессов, но и для осуществления контроля за их выполнением. Значительную часть своего времени специалисты тратили на канцелярскую, административно-хозяйственную и общественную работу.

Несмотря на то, что государство нацеливало специалистов на развитие технического творчества, в том числе через сеть организаций научно-технических обществ (НТО) и Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР), реальных стимулов, которые могли бы заинтересовать абсолютное большинство научно-технической интеллигенции страны, в 1950–1980-е гг. в экономике СССР не было создано. Это во многом послужило причиной научного и технологического отставания от передовых стран мира, полностью преодолеть которое не удалось до сих пор.

В числе основных причин, которые не позволили полностью использовать имеющийся у советских ученых и инженерно-технических специалистов творческий потенциал, одной из главных был уравнительный принцип оплаты труда специалистов и рабочих, прогрессировавший с течением времени. Это соответствовало партийно-идеологическому тезису о постепенном сближении уровня жизни различных

социальных слоев населения страны. Если в 1940 г. соотношение зарплаты ИТР и рабочих в промышленности составляло 2,15:1, то к началу 1980-х гг. оно было лишь 1,1:1⁵. Зачастую зарплата рабочих превышала уровень оплаты труда специалистов, что вызвало такое явление, как массовый переход инженеров и техников на рабочие должности. Отметим, что во многом подобное положение было обусловлено чрезвычайно высокими темпами подготовки инженеров, которые на протяжении многих лет были предметом гордости руководства страны, но на деле свидетельствовали не о росте наукоемкости производства, а о погоне за количественными показателями. Снижение жизненного уровня, почти полное равенство в вознаграждении специалистов, вносящих различный вклад в развитие производства, т.е. неразвитость стимулирования творческого труда ученых и ИТР, обуславливали безразличие многих специалистов к своей работе, безынициативность.

Данные о тенденциях развития экономики одного из высокоразвитых в промышленном и научном отношении регионов страны — Куйбышевской области — в 1950–1980-е гг. свидетельствуют о постепенном замедлении темпов роста народного хозяйства, как в исследуемом регионе, так и в стране в целом. Так, если в годы шестой — девятой пятилеток (1956–1975 гг.) объем валовой продукции промышленности области увеличивался примерно в 1,6–1,7 раза в пятилетку, то в десятой пятилетке этот показатель составил лишь немногим более 1,2 раза, а в одиннадцатой пятилетке (1981–1985 гг.) снизился до 1,14 раза. Такая же тенденция была свойственна ведущей отрасли промышленности Куйбышевской области — машиностроению и металлообработке, где среднегодовые темпы роста, составлявшие в седьмой — девятой пятилетках (1961–1975 гг.) от 11,2 до 21,4%, в десятой и одиннадцатой пятилетках (1976–1985 гг.) снизились до 5,4 и 4% соответственно. Сходные явления наблюдались и других развитых отраслях промышленности региона. В десятой и одиннадцатой пятилетках снизились темпы роста производительности труда — 1,12 раза в десятой и 1,14 раза в одиннадцатой (после роста в девятой пятилетке в 1,93 раза). Что касается заработной платы, то если в науке и научном обслуживании по области в 1970 г. плата была несколько выше, чем в промышленности (на 3%), то в дальнейшем постоянно уступала уровню зарплаты в промышленности: соотношение в 1975 г. было 0,91, в 1980 г. — 0,96, в 1985 г. — 0,97⁶.

Политика Советского государства в этот период, особенно в 1970–1980-е гг., привела не к ускорению темпов научно-технического прогресса, а к их значительному замедлению. Во многом это было обусловлено снижением социального статуса интеллигенции, в том числе научно-технической, падением престижа профессий, связанных с техническим творчеством, постепенным понижением оплаты труда высококвалифицированных специалистов по отношению к другим группам населения, так как именно интеллигенция являлась и является творцом научно-технического прогресса.

Примечания

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977. С. 24.

² Беляев В.А. Отечественная интеллигенция как объект и субъект политики. Казань, 2006. С. 25, 109, 423; Берлявский Л.Г., Морозова О.М. Научная интеллигенция и политика: исторические модели взаимодействия в XX веке // Интеллигенция в политической истории XX века. Тез. докл. межгосударственной научно-теоретич. конф. Иваново, 23–24 апреля 1992 г. Иваново, 1992. С. 214.

³ Николаев А.Н. Исторические аспекты становления российской технократической элиты (1917–1996 гг.). Дис. ... д.и.н. Саратов, 1996. С. 189–190.

⁴ Мартынюк И.О. Инженер в зеркале времени. Киев, 1989; Железов Н.Н. Опыт использования инженерно-технической интеллигенции в экономических преобразованиях России // Проблемы теории и истории изучения интеллигенции: поиск новых подходов. Межвуз. сб. науч. тр. Иваново. С. 97–108, и др.

⁵ Корулаев А.Е. Очерки интеллигенции России. Ч. 2. Очерки истории русской интеллигенции. М., 1995. С. 93.

⁶ Народное хозяйство Куйбышевской области за 50 лет. Куйбышев, 1967. С. 22; Народное хозяйство Куйбышевской области за 1981–1985 гг. Куйбышев, 1987. С. 11, 50, 212, 213.

*Н.Н. Макарова
(Магнитогорск)*

ПРОБЛЕМА ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТИ И БЕЗНАДЗОРНОСТИ В 1929–1935 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ МАГНИТОГОРСКА)

Общероссийские проблемы беспризорности, безнадзорности и преступности несовершеннолетних в полной мере нашли отражение на Урале в 1930-е гг. К концу 1933 г. в Уральской области насчитывалось более 10 тыс. беспризорных детей только из семей спецпереселенцев¹. Проблема детской беспризорности трактуется прежде всего как отрыв детей от семьи с утратой постоянного места жительства, а ее отличительными признаками являются полное прекращение контактов с семьей и другими родственниками, проживание в местах, не предназначенных для человека, добывание средств к жизни, не признанными в обществе, девиантными способами. Социально-стратификационный срез преступности в Магнитогорске в первой половине 1930-х гг. показывает, что 95–97 % задержанных имели постоянную работу и относились к экономически активному населению города; оставшиеся 3–5 % являлись чаще всего несовершеннолетними, большинство из которых составляли не беспризорники, а дети из семьи². Детская преступность являлась прежде всего следствием недостаточного внимания, уделяемого детям в семье, плохо организованной воспитательной и учебной работой и, естественно, общей неблагоприятной социально-экономической и психологической обстановкой в городе. Следовательно, в Магнитогорске преобладала именно безнадзорность³, но имела места и проблема беспризорности.

Возникновению и росту беспризорности среди детей способствует социально-экономическая обстановка в стране и микроклимат в семье. В России детская беспризорность приобрела угрожающий характер после I Мировой и Гражданской войн. В СССР в эпоху форсированной индустриализации масштабы детской беспризорности были на порядок ниже, чем в 1920-е гг., но проблема по-прежнему стояла весьма остро.

Увеличение числа безнадзорных детей на Урале исследователь И.А. Лаврова объясняет следующими факторами: значительное число семей спецпереселенцев, начавшаяся паспортизация и приток беспризорных детей в поисках лучшей доли⁴. Но в условиях Магнитостроя существовала еще одна важная причина роста числа безнадзорных и беспризорных детей — высокий процент смертности среди населения города. Так, в 1933 г. естественный прирост населения был отрицательным и составил 5,4⁵. Важными причинами роста беспризорников в Магнитогорске являлись также пьянство родителей и жестокое обращение с детьми, отсутствие действенной системы органов и организаций охраны прав и законных интересов детей. Все это вызывало уход детей и подростков из дома и, соответственно, рост беспризорности. Вопро-